

Г. Месняев

„МЫ“ И „ОНИ“

В широком, обобщающем смысле „мы“, это — все отрицающие коммунизм и коммунистический строй, а „они“ — коммунисты, захватившие Россию и ряд других стран, их попутчики, прихлебатели, соглашатели.

И „мы“ и „они“ — находятся по обе стороны той баррикады, которая отделяет свободных людей от томящихся в советском рабстве. Может быть, даже ненавистников и отрицателей советского строя в современной России больше, чем за рубежом, где соглашательские и примиренческие с коммунизмом течения углубляются и расширяются по мере хода времени.

Совсем недавно, в № 57-м журнала „Грани“ была напечатана повесть Валерия Тарсиса „Палата № 7“. Этот писатель, человек редкой смелости и редкого мужества, безбоязненно восстал против царящей в России советчины и в названной выше повести, присланной им на Запад, совершенно не таясь, сказал правду о современной России и о том, какие мысли и настроения волнуют лучших людей наших дней.

О том, что представляет собой современная Россия, Валерий Тарсис пишет: „Даже в княжестве Монаском масштабы жизни обширнее, чем в наглухо закрытом концентрационном лагере, где некогда жила, неистово буйствовала, верила, разочаровывалась и снова буйствовала святая Русь“.

Не впервые слышали мы о том, что советчики стали применять по отношению к неудобным им людям, новый способ воздействия: они таких людей сажали в сумасшедшие дома. „Упорно поговаривали, — пишет В. Тарсис, — что чуть ли не половина москвичей находится на учете в психиатрических диспансерах. Через одну Канатчикову Дачу ежегодно проходит до 17 тысяч больных, а ведь существует еще много больниц; например, в знаменитых подмосковных „Столбах“ содержалось одновременно до 20 тысяч человек. Упорно говорили также, что под Казанью есть специальная психиатрическая больница, где фактически томится тысячи политических заключенных“.

Кончая свою повесть, Валерий Тарсис пишет: „Палата № 7 превратилась из маленькой больничной палаты в штаб борьбы за свободу... наш колокол уже звонит на том берегу...“

Приведенных выдержек из крамольной повести В. Тарсиса вполне достаточно для того, чтобы прийти к выводу о том, что в современной России проблема — „мы“ и „они“ приобретает все более острый и жгучий характер.

Но, помимо этого главного, основного деления, которое, в сущности, делит весь мир на две неравные части, имеются и другие деления, более узкого и более частного характера. В частности, российская политическая эмиграция не представляет собой чего-то однородного, единого. Она включает в себя группы различных направлений, разных умонастроений и миропониманий, которые не сливаются целиком и создают внутри антикоммунистической эмиграции различные по духу течения. Эти группы, соприкасаясь и взаимно проникая, все же окончательно не сливаются, создавая ощущение некоторой идейной противоположности — „мы“ и „они“.

Вопрос о том: „кто мы?“ — нередко ставился в эмиграции. Недавно он вновь был поставлен О. Пингвиновым, который в своей статье „Приглашение на разговор“ („Н. Р. С.“ от 4-го мая) призывает эмиграцию заговорить на „главные темы“ и, в частности, о том, что представляет собой русская эмиграция в политическом и духовном смысле.

Вопрос этот большой, сложный и очень важный. Конечно, решает его каждый русский эмигрант индивидуально. Одни продолжают ценить в себе свое русское первородство, продолжают считать себя наследниками и хранителями великой русской культурной традиции, другие же с легкостью, свойственной многим, стремятся к тому, чтобы поскорее раствориться в иноземном мире, усвоить скорее не только формы иноземного быта, но и самый стиль и характер инородного мышления и инородного мироощущения.

И хотя решение этого вопроса проходит индивидуально, проходит оно безусловно под воздействием той среды, к которой примыкает тот или другой индивидуум и которая влияет на его решение.

И здесь-то частный вопрос: „кто я?“, обращается в общий вопрос: „кто мы?“, то есть в вопрос о том, что в целом представляет собой русская эмиграция.

Недавно, вопрос этот очень упрощенно и с намеренной парадоксальностью был решен В. Литвинским, который („Н.Р.С.“ от 25-го мая с. г.) посчитал, что „мы“ — это читатели „Нового Русского Слова“, люди объединенные русским языком и, в какой-то мере, русской культурой“.

Легковесность и крайняя поверхностность такого определения — очевидна.

При всем широком распространении „Нового Русского Слова“, при всей его притягательности для эмигрантских обывателей, газета эта все же не может быть посчитана каким-то идеологическим эмигрантским центром, который в состоянии объединить вокруг себя, если не всю, то подавляющую часть российской эмиграции. Насколько пестро, противоречиво и разноречиво содержание этой газеты, настолько же разноречивы умонастроения и идейная направленность

людей, читающих эту газету. Говорить о том, что читатели ее могут быть сведены к единому „мы“, — конечно, не приходится.

Водораздел, конечно, проходит значительно глубже, нежели это считает В. Литвинский.

Водораздел этот, как и везде, во всяком человеческом обществе, лежит в извечном различии между двумя основными типами людей: между (говоря условно и схематично) людьми, так называемого, прогрессивного умонастроения и людьми консервативного, традиционного направления. Это различие, на каждом шагу, во всех буквально областях жизни, во всех идейных и умственных течениях прошлого и настоящего — проявляется чрезвычайно явственно и оно-то лежит в основе того, что делит людей на „мы“ и „они“ и что объединяет ту или иную людскую группу понятием — „мы“.

„Модернизм“, в широком понимании этого слова, выражается в наше время в каком-то безоглядном бегстве от всего старого и традиционного и в слепом преклонении перед самыми последними, новейшими, во что бы то ни стало, проявлениями жизни, быта, искусства, шумно, беззастенчиво и даже нагло, противопоставляя себя всему тому, что носит на себе печать здоровой традиционности.

Стремление к новизне, боязнь прослыть реакционером и ретроградом, боязнь пропустить последний крик моды и не попасть в ногу с современностью, — всегда были свойственны людской толпе, тому самому многоликому обывателю, который сейчас владеет миром. Именно этому торжествующему обывателю служат сейчас жрецы модернизма во всех областях жизни: и в церкви, и в школе, и в семье, и в литературе, и в искусствах.

Но есть и другое течение человеческого духа и человеческой мысли. Правда, оно сейчас почти целиком заглушено голосом современности, отеснено в самые далекие тайники жизни. Однако, от этого оно вовсе не потеряло своей высокой ценности.

„... Культура, — писала как-то А. В. Тыркова-Вильямс, — требует не только динамического продвижения вперед, но и способности, продвигаясь вперед, уносить с собой часть старины, беречь и любить наследие предков, материально и духовно“.

Вот здесь-то, в стремлении беречь и любить наследие предков и лежит грань, отделяющая людей разных духовных стилей одних от других.

Способность, продвигаясь вперед, уносить с собой лучшее, что было в прошлом и сохранять его бережно и сурово, — составляет сущность той немалой части эмиграции, которую, в узком значении этого слова, мы объединяем понятием „мы“.

Много раз приводились русские имена друг другу противостоящие и символизирующие разность двух основных русских духовных умонастроений. Пушкин и Чаадаев, Достоевский и Герцен, Столыпин и Миллюков — вот те маяки, которые освещают пути людей разных духовных направлений и определяют стиль и характер не только отдельных людей, но и больших человеческих, общественных кругов и слоев.

И, если мы согласимся с наличием в русской эмиграции двух различных и подчас взаимно исключающих направлений, многое непонятное и вызывающее недоумение, сделается и объяснимым и понятным.

Например, острый и волнующий очень многих вопрос о церковных юрисдикциях. Многие очень упрощенно и даже наивно полагают, что наличие нескольких церковных юрисдикций объясняется исключительно тем, что архиереи, де, не хотят сговориться и что они, опасаясь потерять свои места, всячески препятствуют церковному объединению.

Совершенно понятно, что это совсем не так, и что различия лежат в очень глубоких и принципиальных областях, в разных взглядах на чрезвычайно важные и сложные вопросы веры, Церкви и церковного устройства. Не углубляясь в эту тему, можно, например, указать на принципиально разное отношение разных церковных юрисдикций к экumenизму, или к общению в той или иной степени с московской патриархией.

Определяя лицо русской эмиграции, В. Литвинский считает, что „среди нас“ (видимо, читателей „Нов. Русск. Слова“ Г. М.), может быть, есть некоторое число русских националистов. Но число это невелико“, — заключает он.

Но, если за русских националистов посчитать всех русских людей, которые несут с собой частичку русской старины, любят и ценят наследие своих предков, — то надо посчитать мнение В. Литвинского малоосновательным.

Таких людей в эмиграции немало. Сколько их, конечно, сказать трудно.

Но, те, которые воочию видели потоки русских людей, в великом множестве притекавших ко гробу великого русского святителя, недавно преставившегося Митрополита Анастасия, уверены, что их много, ибо тогда они твердо чувствовали свое русское единство, свою духовную общность и свою неразрывную связь с Россией, ярким выразителем которой был почивший иерарх.

Вот именно это сознание заставляет нас верить Валерию Тарсису, свидетельствующему о ненависти лучших русских людей к коммунистам, а не В. Литвинскому, считающему, что русские люди, живущие дома, „не сознают необходимости свержения коммунистического режима“.

Г. Месняев

Б. Башилов

К океану, в котором рождается солнце

НАПОЛЕОН СООБЩАЕТ О ЗАВЕЩАНИИ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

В то время, когда помощник Баранова, Кусков приступил к постройке крепости „Росс“ на купленной у индейцев земле, в далекой Европе в первый раз узнали о существовании таинственного „завещания Петра Великого“. Впервые короли и дипломаты услышали, что Петр Великий завещал русским царям вести борьбу против всех европейских государств и сделать их частями русской империи. Мы уже останавливали внимание читателя, что ни Людовик XV, ни его дипломаты никогда не упоминали, что в их руках находится политическое завещание Петра Великого. О существовании завещания Петра Великого заявил Наполеон, сам стремившийся к господству над всем миром. Легенду о существовании завещания Петра Великого Наполеон выдвинул тогда, когда он окончательно решил начать агрессивную войну против России.

В это время с разрешения Наполеона во Франции была издана книга Лезюра „О возрастании русского могущества с самого начала его и до XIX века“. В книге Лезюра мы впервые встречаемся с текстом завещания Петра Великого. Последние три пункта этого подложного завещания, 12, 13 и 14, содержат указания о том, как должны действовать русские цари, чтобы завоевать мир.

Некоторые иностранные исследователи, как Берггольц, на вопрос о том, кто мог быть автором поддельного духовного завещания Петра Великого, заявляет, что это был сам Наполеон. Некоторые русские исследователи, как С. Н. Шубинский, в своей книге „Мнимое завещание Петра Великого“ утверждает, что автором поддельного завещания является не Наполеон, а упоминавшийся нами кавалер де Эон.

Но в конце концов не так уж важно, кто действительно сочинил фантастическое завещание Петра Великого, веря в подлинность которого

некоторые европейские и американские политические деятели считают, что русские издавна стремились к мировому господству. Важно ведь не то, кто выдумал „завещание Петра Великого“, а как русские императоры использовали свои военные победы для завоевания европейских государств. Если завещание Петра Великого когда-нибудь существовало или существует, то нужно признать, что все русские цари до одного, до крайности плохо выполняли завет Петра Великого, особенно на побережье Нового Света.

Вся колонизация новых земель в Америке, это дело рук не русского правительства, а результат предприимчивости частных лиц и частных компаний. И тогда, когда русское правительство поддерживало этих частных лиц, оно всегда поддерживало слишком неохотно и всячески обуздывало их стремление увеличивать территорию русского государства в районе Тихого океана.

Александр I вывел русские войска из Европы. Александр I не сделал ничего, чтобы увеличить русские владения в Северной Америке. Он же отказался присоединить к России часть Гавайских островов, король которых Томари признал себя подданным Александра I.

Император Николай I вел войну с племенами Кавказа, не давшего покоя южным окраинам страны, но он не сделал ничего, чтобы хотя на несколько десятков квадратных километров увеличить территорию Русской Америки.

При Императоре Александре II Россия также не делает никаких попыток расширить свою заокеанскую колонию.

Правительство России не только не стремилось увеличить свои владения на Американском континенте, но все время совершенно явно тяготилось своими заокеанскими владениями.

II

В 1812 году Баранов зафрахтовал судно американского шкипера Эрса и отправил на нем в Сан Франциско своего уполномоченного. Баранов предложил ему войти в сношения с мексиканским вице-королем. Губернатор Калифорнии ответил уполномоченному Баранова, что он рад

РОССИ-ЛЕМЕНИ - „БОРИС ГОДУНОВ“

В этом году театр „Колон“ показал публике совершенно новую постановку этой замечательной русской оперы, о которой талантливейший артист Росси-Лемени, исполнявший главную роль, говорит справедливо, как о „шедевре русского искусства“. Прежде, чем говорить об исполнении Н. Росси-Лемени роли царя Бориса, скажем несколько слов о постановке, для сведения русской публики, не попавшей на представление.

Чрезвычайно эффектно задуманные и проведенные в жизнь модернистические декорации, движение масс, игра, как всегда изумительного хора, под управлением воистину гения хорового пения Тулио Бонни, великолепный оркестр, не говоря уже об исполнителях отдельных ролей — все это приводило публику в понятное восхищение, зал просто ревел.

И, наряду с этим, русские, присутствовавшие в зале, не раз были болезненно уязвлены некоторыми нововведениями режиссуры: пьяная женщина в прологе, которая, шатаясь, пьет водку прямо из горлышка бутылки; шестиве монахов с громадными, чуть ли не могильными крестами; никогда прежде не фигурировавший трон, на котором в сцене коронации несут царя Бориса; безобразный, чтобы не сказать непристойный цирк, в сцене в корчме; паясничанье Варлаама, Мисаила и шинкарки — все это грубо, неверно и неприятно. Но сцена „под Кромами“ превзошла всё. Режиссер сделал из нее типичную картинку большевистской революции — плевки и избивание боярина, избивание монахов-незудов; трупы, которые волокут через всю сцену — все это к тому же реально и прекрасно исполненное, оставило просто удручающее впечатление. Фигура провидца-юродивого была совершенно искажена: окруженный толпой мальчишек на сцену выбежал какой-то шут гороховый в рваном пиджакишке и картонке на голове, вместо юродивого в белой, пусть изодранной, рубахе и веригах. Было грустно и больно за такое ненужное искажение исторического прошлого России.

Что касается спектакля, как такового, то он был, действительно, блестящим,

главным образом, благодаря исполнению интереснейшей и труднейшей роли Бориса гастролировавшим в этой опере Н. Росси-Лемени. Полурусский по рождению, в совершенстве владея русским языком, он не впервые поет Бориса. Мы его слышали и в 1951 и в 1955 г. г., но на этот раз исполнение им роли достигло еще большей глубоко-драматической

Н. Росси-Лемени в роли Бориса

правды; голос его, которым он отлично владеет, передавал все оттенки душевной драмы замученного совестью русского властелина; при одном „пианиссимо“ просто хотелось плакать. Его вызвали бесконечное число раз, зал не хотел его отпускать и все мы, присутствовавшие на спектакле русские, гордились тем, что в жилах этого большого артиста течет русская кровь.

За несколько дней до спектакля нам удалось познакомиться с Росси-Лемени. Николай Павлович принял нас чрезвычайно просто и радушно. За чашкою чая он рассказал нам, что родился в 1920 году в Константинополе, что по отцу он итальянец, а мать его — русская; что он, зная оперу Мусоргского в оригинале, исполняя ее по-итальянски чувствует царя Бориса по-русски, но его попытка провести на одной из репетиций сцену смерти по-русски не нашла отклика, хо-

тя дирижер Бартолетти с удовольствием эту идею подхватил. Н. П. Росси-Лемени считает, что „Борис Годунов“ — самое высшее произведение оперного искусства и даже в драме нет равного ему произведения по драматичности. Тут же он посетовал, что нынешняя постановка, воздавая должное ее оригинальности и модернизму, „абсолютно не русская и не православная“.

Он рассказал нам также, что, как итальянец, проделал всю кампанию Второй Мировой войны в России в итальянском экспедиционном корпусе, после чего живет постоянно в Риме. По некоторым его замечаниям, нам было ясно, что Николай Павлович понимает и интересуется происходящими на нашей пораженной родине событиями. Женат он на известной певице Вирджинии Зеани и иногда они выступают вместе. Он поведал нам о своих планах приехать в следующем году в Буэнос-Айрес вместе со своей женой и совместно с ней петь в театре „Колон“. Их единственному сыну Александру недавно исполнилось семь лет.

Н. Росси-Лемени награжден, как певец, „Золотым трофеем“, премия, которой удостоились А. Тосканини и Мария Каллас. Но кроме того, он — поэт: его произведение „Импульс“ удостоилось в 1954 году премии „Гастальди“.

В антрактах премьеры „Бориса“ в этом году по радио передавали интервью, которое знаменитый артист дал известному музыкальному критику Эмилио Стефановичу, во время которого Росси-Лемени несколько раз с большой гордостью отозвался о великом русском народе и русском искусстве. На вопрос Стефановича какой репертуар он предпочитает для своих концертов, Росси-Лемени ответил, что главным образом поет произведения Мусоргского и др. русских композиторов, как и итальянских, французских и немецких. А когда Э. Стефанович спросил его мнение о том, какое место занимает „Борис Годунов“ среди других опер идущих в мировых театрах, Росси-Лемени сказал, что считает эту оперу непревзойденной и что „Бориса Годунова“ создал гений великого русского народа“.

Было отраднo слушать эти слова и знать, что десятки тысяч людей их слышат вместе с нами.

Нельзя не отметить, что по мнению Н. Росси-Лемени молодой и талантливый дирижер Бартолетти дирижирует оперу „Борис Годунов“, как русский.

От всего сердца хочется пожелать Николаю Павловичу блестящих успехов в его дальнейшей артистической карьере.

Ирина Астрау

Татьяна Дубровская

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КРУЖОК В КАЛИФОРНИИ

(1923 — 1965)

К Н И Г А

Александры Львовны ТОЛСТОЙ

„ПРОБЛЕСКИ ВО ТЬМЕ“

УЖЕ ПЕЧАТАЕТСЯ

Ни имя Льва Толстого, ни работа Александры Львовны на фронте в 1914-1917 г.г., ни ее культурно-просветительная работа в России после революции, ни ее глубокая любовь к русскому народу не избавили Александру Львовну в советской России от нескольких арестов, тюрьмы и суда с приговором: „Три года концентрационного лагеря“.

Немногие знают, что Лев Толстой, прочитав дневник своей дочери, ободрил ее: „Саша, у тебя несомненно есть литературный талант, пиши!“

Общественное служение редко позволяло Александре Львовне писать о пережитой ею в советской России борьбе с ложью, фальшью, обезличенем людей, жестокими, бесчеловечными расправами. Книга „ПРОБЛЕСКИ ВО ТЬМЕ“ написана ярко, сжато, искренне и вдумчиво строго. Перед читателем предстает богатая галерея самых разнообразных людей. Он будет читать и переживать год за годом вместе с этими людьми то, что происходило в России с первых дней революции. Отцовское „Не могу молчать“ выразилось у дочери в форме „Не могу терпеть лжи“.

Приглашение из Японии прочитать курс лекций об отце помогло Александре Львовне уехать в Японию и отуда в США.

За последние 25 лет Александра Львовна работала как председатель Толстовского фонда, организованного ею и ее другом, Татьяной Алексеевной Шауфус, в 1939 году.

Книга А. Л. Толстой — правдивая история и написана так, что будет полезной и для русской молодежи и для американцев, изучающих русский язык в университете.

Желающих приобрести книгу А. Л. Толстой по удешевленной предвартельной подписке (2 долл. 50 цент.), благосвят послать чек или почтовый перевод по адресу казначей Литературно-Художественного Кружка:

Literary Art Society, Mrs C. Eremin,
2140 Ward Street
Berkeley, Calif. (94705). U.S.A.

ГАЗЕТА

„РУССКИЙ ИНВАЛИД“ № 158

продается:

в магазине бр. Лашкевичей (ул. Леандро Алем № 1140) и в киоске при Кафедральном Соборе (Нуньес 3541).

торговать с русскими, но он не может им этого позволить без разрешения испанского правительства.

Снова началась долгая волокита. Испанский консул в Петербурге Бермудес писал в Мадрид о пользе торговли с Российской компанией. Правление Российско-Американской компании сообщало графу Румянцеву о результатах переговоров с губернатором Калифорнии и о том, что необходимо возбудить новое ходатайство перед испанским правительством.

В начале 1813 года в форт Росс приехал испанский офицер, вместе с братом губернатора Сан Франциско, и заявил Кускову:

„Губернатор дон Арильняго разрешает вам торговать с Сан Францискскими купцами. Он просит только, чтобы без специального разрешения русские суда не заходили в Сан Франциско и не приставали к берегу, а все товары свозились на шлюпках“.

Вскоре после этого, дон Арильняго прислал в подарок Кускову три лошади и двадцать коров и коз.

Для начала торго Кусков отправил в Сан Франциско Слободчиков с товарами. Слободчиков продал все товары за 1400 пиастров.

В 1817 году в октябре в крепость Росс приехал из Сан Франциско испанский офицер, в сопровождении 7 солдат. Осмотрев селение, офицер спросил Кускова, с какой целью он построил поселок.

— Для того, чтобы заниматься земледелием и торговать, — ответил Кусков. Офицер ничего не ответил и уехал обратно в Сан Франциско.

Вскоре после этого, дон Арильняго умер и новый губернатор Хосе-де-Аргуэно потребовал немедленного уничтожения поселка. Но Кусков отказался это сделать, заявив, что до получения распоряжения из Санкт-Петербурга он ничего не может сделать. Основание русскими крепости в непосредственной близости от Сан Франциско весьма взволновало испанцев. Их беспокойство еще усиливалось слухами, которые распускали англичане и американцы о том, что Кусков хочет напасть на Сан Франциско и захватить его. Американские и английские капитаны, торговавшие с туземцами Калифорнии, уверяли губернатора Сан Франциско, что

Кусков будто бы имеет на этот счет категорическое распоряжение русского правительства. Они утверждали, что Кусков будто бы не раз ночью подходил к Сан Франциско на лодке, желая высмотреть место наиболее удобное для нападения.

III

Побывавший в 1817 году в крепости Росс капитан корабля „Кутузов“ Гагемейстер принял в русское подданство несколько живших в окрестностях индейских племен.

Индейцы охотно принимали русское подданство, ибо это спасало их от перспективы стать рабами католических миссий. Они видели на практике разницу обращения с индейцами русских и испанцев. Русские охотники женились на индейских девушках. Работа на полях и другие работы оплачивались по соглашению. Индейцы начали видеть в русских своих защитников.

В то время, как испанцам было опасно появляться в одиночку на землях свободных индейцев, русские охотники могли безопасно охотиться в сотнях верст от Форты Росс.

Все растущее влияние русских среди индейских племен не нравилось ни испанцам, ни американцам, начинавшим все в большем числе проникать в Калифорнию.

В 1818 году, Форт Росс был окружен обработанными полями и пастбищами, на которых паслись 4000 лошадей, коров и овец. Были посажены 2000 лоз винограда, много различных фруктовых деревьев.

В окрестностях форты имелись две фермы „Ранч Костромитинова“ и „Ранч Черных“. В то время, как на полях католических испанских миссий работали обращенные в рабство индейцы, принадлежавшие Форту Росс поля обрабатывали добровольно нанявшиеся индейцы. В Форте Росс были разные предприятия: кирпичное, кожевенное, в том числе ветряная мельница и судостроительная верфь.

Душой всего этого большого дела был ближайший помощник Баранова, Иван Кусков, с утра до ночи ковылявший на своей деревянной ноге по Форту Росс и его окрестностям.

